

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

((направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе»

Обучающийся

М.А.о. Гаджиев

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук., доцент, Т.Ю. Дементьева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальными преобразованиями роли и функций прокуратуры в российском уголовном процессе, последовательно проводимыми в рамках судебно-правовой реформы. Ключевой проблемой является законодательная и доктринальная неопределенность в понимании сущности уголовного преследования как функции прокурора, его соотношения с надзором за процессуальной деятельностью органов следствия и дознания, а также с поддержанием государственного обвинения в суде.

Таким образом, комплексное исследование реализации прокурором функции уголовного преследования на всех этапах уголовного судопроизводства является своевременным и востребованным как с точки зрения развития науки уголовного процесса, так и для нужд правоприменительной практики.

Целью настоящего исследования является комплексный системный анализ реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства России и разработка на его основе научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Тема работы разрабатывалась в трудах многих исследователей. Стоит выделить труды таких специалистов как: Ю.В. Кореневский, В.Ф. Крюков, В.А. Лазарева, И.И. Мельников, Т.Ю. Цапаева и других.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает три главы, последовательно раскрывающие теоретические основы функции уголовного преследования, ее реализацию на досудебной и судебной стадиях, что позволяет обеспечить целостный и системный подход к анализу заявленной проблемы.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие уголовного преследования	8
1.1 Сущность и содержание функции уголовного преследования	8
1.2 Уголовное преследование в системе функций прокурора	10
Глава 2 Реализация прокурором функции уголовного преследования на досудебном производстве	14
2.1 Проблемы нормативной регламентации и реализации полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, в досудебном производстве.....	14
2.2 Участие прокурора в уголовном преследовании на стадии предварительного расследования.....	19
Глава 3 Реализация прокурором функции уголовного преследования в судебном производстве.....	27
3.1 Подготовка прокурора к участию в судебном заседании	27
3.2 Деятельность прокурора по поддержанию обвинения в судебном следствии	31
3.3 Участие прокурора в судебных прениях	35
Заключение	42
Список используемой литературы и используемых источников	48

Введение

Актуальность исследования. Актуальность данной темы выпускного исследования обусловлена очевидными фундаментальными преобразованиями роли и функций прокуратуры в российском уголовном процессе, последовательно проводимыми в рамках осуществлённой судебно-правовой реформы.

Заложенные в Конституции Российской Федерации [8] и развитые в положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [31] (УПК РФ) базовые императивы, определяющие место и роль прокурора в российском уголовном судопроизводстве, обусловили переход от инквизиционной к состязательной модели судопроизводства и кардинальным образом преобразовали статус прокурора, сместив акцент с надзорной деятельности на функцию уголовного преследования.

Однако этот переход остается незавершенным и сопряжен с глубокими внутренними противоречиями, которые так и не нашли адекватного разрешения в текущих условиях нормативных преобразований.

Ключевой проблемой является законодательная и доктринальная неопределенность в понимании внутреннего содержания и общей сущности уголовного преследования как функции прокурора, его соотношения с надзором за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания, а также с поддержанием государственного обвинения в суде.

Реформа 2007 года, существенно ограничившая полномочия прокурора на досудебной стадии, не решила системных вопросов, а в некоторых аспектах их усугубила, создав дисбаланс между его ответственностью за законность уголовного преследования и реальными процессуальными возможностями для ее обеспечения.

В судебной стадии актуальными остаются проблемы процессуальной самостоятельности государственного обвинителя, эффективности его участия

в доказывании и обеспечения прав потерпевшего при отказе прокурора от обвинения.

Таким образом, комплексное исследование реализации прокурором функции уголовного преследования на всех этапах уголовного судопроизводства является своевременным и востребованным как с точки зрения развития науки российского уголовного процесса, так и для нужд современной правоприменительной практики в сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Целью настоящего исследования является комплексный системный анализ реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства России и разработка на его основе научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Для эффективного достижения поставленной цели в настоящей студенческой научной работе решаются следующие исследовательские задачи:

- раскрыть сущность и содержание функции уголовного преследования;
- определить место функции уголовного преследования в системе функций прокурора и соотношение со смежными процессуальными категориями («обвинение», «поддержание государственного обвинения», «надзор»);
- проанализировать эволюцию процессуального статуса прокурора в досудебном производстве, выявить элементы функции уголовного преследования на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования и оценить эффективность его полномочий;
- исследовать особенности реализации функции уголовного преследования прокурором в судебном разбирательстве, включая

- подготовку к судебному заседанию, поддержание государственного обвинения в судебном следствии и участие в судебных прениях, как этапах судебного разбирательства в российском уголовном судопроизводстве;
- выявить системные проблемы и противоречия, препятствующие эффективной реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном и судебном производстве в российском уголовном процессе;
  - на основе проведенного анализа сформулировать конкретные предложения по совершенствованию норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ведомственного регулирования, направленные на оптимизацию деятельности прокурора как субъекта уголовного преследования.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере российского уголовного судопроизводства в связи с осуществлением прокурором функции уголовного преследования в досудебном и судебном производстве – как базовых этапах производства по уголовному делу.

Предмет исследования составляют нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующие статус и процессуальные полномочия прокурора; теоретические взгляды отечественных и зарубежных ученых на проблему реализации функции уголовного преследования; материалы судебной и прокурорской практики; ведомственные нормативные акты Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Методологическую основу настоящего исследования образует совокупность общенаучных и частно-научных методов современного научного познания.

В данной выпускной квалификационной работе применялись следующие методы научного познания: формально-логический и

догматический методы научного познания – для анализа структуры и содержания уголовно-процессуальных норм, системный метод – для рассмотрения функции уголовного преследования как элемента единой системы уголовного судопроизводства Российской Федерации.

Степень разработанности темы исследования. Тема работы разрабатывалась в трудах многих исследователей. Стоит выделить труды таких специалистов как: Ю.В. Кореневский, В.Ф. Крюков, В.А. Лазарева, И.И. Мельников, Т.Ю. Цапаева и других.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает три главы, последовательно раскрывающие теоретические основы функции уголовного преследования, ее реализацию на досудебной и судебной стадиях, что позволяет обеспечить целостный и системный подход к анализу заявленной проблемы. Работа состоит из введения, трех глав, семи параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие уголовного преследования

1.1 Сущность и содержание функции уголовного преследования

В современном российском уголовном процессе фигура прокурора занимает центральное место, а его полномочия в сфере уголовного преследования определяют состязательный характер всего уголовно-процессуального производства.

Согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ, прокурор уполномочен от имени государства осуществлять уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

Данная законодательная формула вызывает оживленную дискуссию в науке, поскольку предполагает совмещение в одном лице процессуального субъекта как обвинительную функцию, так и надзорную, что потенциально содержит в себе внутреннее противоречие.

Ключевой проблемой уголовно-процессуальной доктрины в исследуемом контексте было и остаётся остается отсутствие единообразной трактовки функции уголовного преследования.

Легальное определение таковой содержится в п. 55 ст. 5 УПК РФ, где уголовное преследование определяется как: «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления».

Таким образом, законодатель фактически отождествил два понятия «уголовное преследование» и «обвинение». При этом, указав фактически на то, что эта процессуальная деятельность осуществляется в равной мере как на досудебных, так и на судебных стадиях.

Тем самым, как отмечает Б.А. Тугутов, «законодатель фактически допустил смешение разных процессуальных категорий. В связи с этим вполне закономерно возникает вопрос: зачем тогда вообще нужно понятие

уголовное преследование, в то время как в законе уже имеется понятие обвинения?» [30, с. 31]

Получается, что в актуальном нормативном регулировании имеет место явное и очевидное смешивание категорий «уголовное преследование» и «обвинение».

Включение категории «уголовное преследование» в УПК РФ и в Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 о прокуратуре Российской Федерации [33] ознаменовало переход от инквизиционной к состязательной модели уголовного судопроизводства.

Тем не менее, по-прежнему нет чёткости в определении того, что же именно включает в себя данная категория. В современной науке предлагаются различные подходы к его пониманию: от узкого (деятельность после появления подозреваемого или обвиняемого) до широкого, охватывающего все досудебное производство с момента возбуждения уголовного дела.

Следует согласиться с позицией, что уголовное преследование есть процессуальная деятельность лиц и органов обвинительной власти, что отличает его от обвинения, под которым УПК РФ понимает утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ (п. 22 ст. 5). Таким образом, обвинение является составной частью, частным проявлением более широкой категории – уголовного преследования.

Коренные изменения в полномочия прокурора внес Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [32]. В результате данной новации прокурор был лишен права возбуждать уголовные дела, принимать их к своему производству и лично проводить следственные действия.

Очевидно, что данное организационно-правовое реформирование было направлена на «разведение» функций уголовного преследования и надзора,

однако на деле создало новую проблему: прокурор, отвечая за законность предварительного расследования, был дистанцирован от непосредственного собирания доказательств, что зачастую снижает эффективность его надзорной и обвинительной деятельности.

Таким образом, следует отметить наличие доктринальной и законодательной неопределенности в разграничении понятий «уголовное преследование», «обвинение» и «поддержание государственного обвинения». Для решения данной проблемы целесообразно внести изменения в ст. 5 УПК РФ, дающие четкое, иерархическое определение этих терминов, где уголовное преследование будет трактоваться как родовая функция, а обвинение – как ее формализованный процессуальный итог.

Современная роль прокурора на досудебных стадиях российского уголовного процесса, безусловно, требует переосмыслиния. Его надзор за процессуальной деятельностью органов следствия должен быть не самоцелью, а инструментом обеспечения высокого качественного уровня и бесспорной законности будущего государственного обвинения.

В этой связи вызывает дискуссию вопрос о возвращении прокурору отдельных полномочий по производству следственных действий, направленных на проверку доказательств обвинения, в рамках концепции «объективного прокурора» в современном демократическом российском уголовном судопроизводстве.

1.2 Уголовное преследование в системе функций прокурора

Вопрос о функциональной принадлежности прокурора в уголовном процессе остается одним из наиболее сложных и дискуссионных. Исторические корни этой проблемы уходят в советский период, для которого было характерно отрицание состязательности и смешение базовых процессуальных функций.

Принятие УПК РФ 2001 года кардинально изменило дискурс, закрепив положение о том, что прокурор осуществляет уголовное преследование. Однако буквальное толкование ст. 37 УПК РФ, где упоминается и надзор, и уголовное преследование, и поддержание государственного обвинения, породило в уголовно-процессуальной науке теоретическую концепцию «дуализма функций» прокурора.

Современная научная мысль все чаще критикует этот подход как искусственный и далеко не в полной мере соответствующий текущим правовым реалиям общественной жизни.

В литературе отмечается, что «уголовное преследование как вид процессуальной деятельности не только порождается уголовно-процессуальной функцией обвинения, но и охватывается ею» [4, с. 9].

Как верно указывает Т.Ю. Цапаева, «рассматривая уголовный процесс как единое целое, следует сделать вывод о том, что эта целостность обусловливает целостность и единство правового статуса (функции) прокурора на всем его протяжении – логика требует, чтобы он оставался единственным на всех ступенях процесса» [34, с. 21].

В данном контексте верным представляется высказывание В.А. Лазаревой, которая полагает, что «все, что ни делает прокурор на предварительном расследовании, и есть надзор за законностью. Одновременно все это является и уголовным преследованием, направлением расследования в нужное русло, а именно в сторону изобличения виновных в совершении преступления» [14, с. 15].

Несмотря на то, что данное высказывание было сделано автором ещё в период действия советского уголовно-процессуального кодекса в условиях постсоветской действительности и в преддверии принятия нового УПК РФ, оно сохраняет свою актуальность и в современных реалиях.

Представляется, что в основе всей деятельности прокурора лежит единая обвинительная функция (функция уголовного преследования). Все его полномочия, включая надзорные, являются подчиненными по

отношению к главной задаче – обеспечению законного и обоснованного обвинения в суде. Надзор за предварительным расследованием в этой парадигме есть не что иное, как начальный (подготовительный) этап осуществления уголовного преследования, направленный на создание объективной и качественной доказательственной базы для суда.

Кроме того, в официальных документах усматривается приоритет деятельности прокуратуры в направлении защиты прав потерпевших и личности от незаконного обвинения.

«Для того, чтобы иметь возможность продолжить уголовное преследование в суде, прокурор обязан обеспечить законность предварительного расследования и соблюдение прав всех его участников» [13, с. 393] – пишет В.А. Лазарева.

Таким образом, современный прокурор – это не какой-то псевдо-карательный, или «квази-инквизиционный орган», а орган публичного уголовного преследования, объективно ответственный как за изобличение виновного, так и за обеспечение реализации законных прав и интересов всех участников уголовно-процессуальной деятельности, включая как потерпевшего, так и обвиняемого.

Подводя итог первой главы исследования, можно сделать следующие выводы и предложения.

Отсутствие доктринальной ясности и законодательной определенности в разграничении понятий «уголовное преследование», «обвинение» и «поддержание государственного обвинения» продолжает оставаться фундаментальной проблемой.

Легальное отождествление уголовного преследования с процессуальной деятельностью стороны обвинения (п. 55 ст. 5 УПК РФ) при сохранении в ст. 37 УПК РФ упоминания о надзоре создает внутреннюю противоречивость статуса прокурора.

Опираясь на сказанное, следует сделать вывод о том, что концепция единой обвинительной функции прокурора является наиболее соответствующей принципу состязательности и логике уголовного процесса.

Законодательное закрепление этого подхода (например, через изменение редакции ст. 37 УПК РФ) позволило бы устраниТЬ существующую терминологическую путаницу и задать четкий вектор для современного российского правоприменения.

Также следует заметить необходимость дальнейшего поступательного реформирования статуса прокурора, направленного на усиление его роли как субъекта, ответственного за качество и законность всего досудебного производства.

Это может выражаться в расширении его прав по истребованию и проверке доказательств, отмене незаконных процессуальных решений субъектов, осуществляющих непосредственное производство по уголовному делу, а также в усилении механизмов судебного контроля за действиями прокурора для предотвращения возможных злоупотреблений с его стороны.

Глава 2 Реализация прокурором функции уголовного преследования на досудебном производстве

2.1 Проблемы нормативной регламентации и реализации полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, в досудебном производстве

В современной российской уголовно-процессуальной доктрине вопрос о природе и объеме полномочий прокурора по осуществлению уголовного преследования на досудебных стадиях остается одной из наиболее дискуссионных и методологически значимых проблем.

Легальный перечень ключевых полномочий прокурора в досудебном производстве закреплен в ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Однако доктринальный анализ позволяет выявить существенный разрыв между формальными предписаниями закона и реальными потребностями следственной и прокурорской практики.

Следует констатировать, что в научном сообществе отсутствует единое понимание процессуальной функции прокурора на досудебной стадии. Ряд авторов выражает сомнения на предмет наличия адресованных прокурору полномочий, связанных с уголовным преследованием, полагая, что «в отношении прокурора функция уголовного преследования в ходе досудебного производства не реализуется. Для этого у него нет надлежащих полномочий» [38, с. 192].

Данная позиция, однако, представляется излишне категоричной и не учитывающей системной роли прокурора как гаранта законности в уголовном судопроизводстве.

Действительно, реформа 2007 года привела к радикальному перераспределению процессуальных полномочий и существенному сужению властных прерогатив прокурора.

Как метко отмечает А.Н. Шевчук, «влияние прокурора в Российской Федерации на ход уголовного преследования, осуществляемого следователем, минимально, если учесть, что следователь вправе обжаловать требования прокурора, не исполняя их» [38, с. 192].

Эта модель, основанная на принципе процессуальной самостоятельности следователя, создала системную проблему «разобщенности субъектов обвинения», что негативно сказывается на эффективности досудебного производства в целом.

В этой связи возникает феномен «неформального лидерства» прокурора. Эмпирические исследования, включая опросы практикующих следователей и дознавателей, демонстрируют, что «прокурор фактически, по-прежнему имеет реальные возможности влиять как на решение вопроса о возбуждении уголовного дела, так и на уголовное преследование, осуществляемое следователем (дознавателем). Следователи и дознаватели во многих случаях согласовывают с прокурором возбуждение уголовных дел... В ходе дальнейшего расследования нередки случаи согласования с прокурором объема и квалификации предъявляемого обвинения и т.д.» [16, с. 45].

Таким образом, утраченные прокурором формальные полномочия компенсируются не предусмотренными законом, но сложившимися на практике механизмами организационного взаимодействия. Этот феномен свидетельствует о сохраняющейся объективной потребности в сильном процессуальном центре, координирующем уголовное преследование в правоприменительной практике.

На этапе возбуждения уголовного дела полномочия прокурора, условно связанные с функцией уголовного преследования в широком смысле, можно сгруппировать следующим образом:

- контроль за законностью приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

- инициирование доследственной проверки путем направления материалов для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- проверка и отмена решений о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела (п. 5.1 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 146, ч. 6 ст. 148 УПК РФ).

Как справедливо указывает А.Ю. Чурикова, прокурор в конечном счете определяет возможность дальнейшего производства по делу, решая вопрос о согласии с принятым решением [35, с. 76].

Однако существующий механизм опосредованного возбуждения уголовного дела критикуется как малоэффективный. Прокурор лишен права прямого возбуждения уголовного дела, а его постановление о направлении материалов носит для следователя рекомендательный характер. Это порождает порочную практику «процессуального саботажа», когда следователь может многократно отказывать в возбуждении дела, несмотря на требования прокурора.

А.В. Рагулин справедливо указывает на абсурдность ситуации, при которой «имеющийся механизм может содержать в себе до 5-6 подобных процессуальных циклов, каждый из которых по времени может занимать до двух и более недель. При этом могут быть утрачены важные следы преступления, а в итоге нарушены права лиц, потерпевших от преступления» [28, с. 56].

В контексте предварительного расследования дисбаланс полномочий становится еще более очевидным. Прокурор обладает значительными властными прерогативами в отношении дознавателя (дача письменных указаний, обязательных для исполнения; изъятие и передача уголовного дела; утверждение обвинительного акта и постановления о прекращении дела).

В то же самое время его взаимодействие со следователем строится на принципиально иной, коллизионной основе. Полномочие требовать

устранения нарушений (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) лишено действенного механизма реализации.

В.Е. Горюнов и М.А. Алимпьев констатируют: «Процессуальная неэффективность имеющихся полномочий прокурора связана с отсутствием у следователя обязанности отчитываться перед прокурором о выполнении положений такого требования, а с другой стороны – с возможностью следственного органа высказывать возражения относительно вынесенных прокурором требований» [5, с. 12].

Сложный и многоэтапный механизм урегулирования разногласий между прокурором и следователем, по сути, парализует оперативное реагирование на нарушения и создает громоздкие и совершенно излишние бюрократические проволочки.

Выходом из подобной ситуации могла бы стать законодательная корректировка, при которой обжалование следователем требования прокурора не приостанавливало бы его исполнение. Это обеспечило бы необходимый баланс между процессуальной самостоятельностью следователя и надзорной функцией прокурора, уменьшив то негативное влияние, что оказывает на ситуацию существующий в настоящее время баланс полномочий.

Еще одной системной проблемой является информационная депривация прокурора на досудебной стадии. Лишенный доступа ко всем материалам дела до его окончания, прокурор не обладает достаточной информационной базой для принятия своевременных и эффективных решений. В этой связи научно обоснованным представляется предложение о закреплении в УПК РФ права прокурора на оперативное консультирование органов предварительного расследования, в том числе с дачей указаний о направлении расследования и пополнении доказательственной базы.

Сказанное позволяет констатировать, что существующая в настоящий момент в действующем УПК РФ регламентация полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, далека от идеала и, конечно же,

требует видоизменения и адаптации к текущим реалиям и потребностям уголовно-процессуальной деятельности на этапе предварительного расследования.

Как представляется, необходимо восстановление права прокурора на возбуждение уголовного дела. Критика существующего механизма опосредованного возбуждения является обоснованной. Целесообразно вернуть прокурору право выносить постановление о возбуждении уголовного дела, обязательное для исполнения следователем или органом дознания, с последующим направлением дела по подследственности.

Целесообразным также является усиление властных полномочий прокурора в отношении следователя. Требования прокурора об устраниении нарушений федерального законодательства должны быть обязательными для немедленного исполнения, а их обжалование – не приостанавливать исполнение. Это соответствует конституционной роли прокуратуры как единой централизованной системы надзора за законностью – в том числе, непосредственно в досудебном производстве по уголовному делу.

Представляется целесообразным закрепление информационных полномочий прокурора. Необходимо предусмотреть в УПК РФ право прокурора знакомиться с материалами уголовного дела на любом этапе предварительного расследования и давать обязательные для рассмотрения письменные указания о производстве следственных действий и процессуальных решений.

Также видится желательной оптимизация взаимодействия субъектов уголовного преследования. Как верно отмечает И.К. Рябенко, « дальнейшее развитие правового статуса прокурора должно быть направлено на определение оптимального баланса между процессуальными полномочиями прокурора и руководителя следственного органа, оптимизация полномочий прокурора по осуществлению уголовного преследования» [29, с. 55].

Это предполагает четкое законодательное разграничение их компетенции и создание эффективных механизмов разрешения процессуальных коллизий.

Таким образом, действующая процессуальная модель реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебной стадии обладает значительными дефектами, снижающими эффективность всего досудебного производства. Ее совершенствование требует не фрагментарных, а системных изменений, направленных на усиление координирующей и руководящей роли прокурора как представителя государства в уголовном преследовании.

2.2 Участие прокурора в уголовном преследовании на стадии предварительного расследования

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), введенный в 2009 году, представляет собой важный инструмент оптимизации уголовного судопроизводства, направленный на достижение процессуальной экономии и обеспечение обоснованного привлечения к ответственности. Полномочия прокурора в рамках данного института являются логическим продолжением его функции уголовного преследования, поскольку соглашение непосредственно связано с установлением виновности, формулированием обвинения и его поддержанием в суде.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»: «при рассмотрении вопроса о возможности принятия судебного решения по ходатайству обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке судам надлежит устанавливать, имеются ли по уголовному делу необходимые для этого условия. Согласно требованиям норм главы 40 УПК РФ такими условиями следует считать в

том числе обоснованность обвинения и его подтверждение собранными по делу доказательствами; понимание обвиняемым существа обвинения и согласие с ним в полном объеме» [22].

Отдельные вопросы, связанные с анализируемым процессуальным институтом, нашли своё развитие в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [23].

Анализ существующей процессуальной регламентации позволяет выявить ряд системных противоречий, которые существенно ограничивают роль прокурора и создают риски для реализации прав обвиняемого. Ключевая проблема заключается в опосредованном характере доступа обвиняемого к прокурору. Ходатайство о заключении соглашения, хотя и адресовано прокурору, подается следователю, который выступает своеобразным «фильтром». Именно следователь в течение трех суток оценивает состоятельность ходатайства и принимает решение о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении соглашения либо об отказе.

То есть, на этапе первичной оценки состоятельности ходатайства обвиняемого о заключении соглашения о сотрудничестве прокурор отсутствует, несмотря на то, что играет ключевую роль. Соответственно, в оценке обоснованности отказа следователя удовлетворить заявленное ходатайство он также никак не участвует.

Подобная конструкция подвергается обоснованной критике в научной литературе. Указывается, что «прокурор, по сути дела, полностью устраняется от решения вопроса, связанного с обоснованностью отклонения следователем ходатайства лица, на которое направлено уголовное преследование. Если прокурор наделен правом заключить соглашение, то именно ему должно принадлежать и право удовлетворять такое ходатайство, а не следователю. При этом прокурору не передается никаких материалов, связанных с поданным ходатайством» [2, с. 33].

Это создает ситуацию, при которой ключевой субъект, уполномоченный заключать соглашение в лице прокурора, отстранен от принятия первоначального, и во многом определяющего, процессуального решения.

Логика законодателя, стремящегося учесть осведомленность следователя об обстоятельствах дела, понятна. Однако она привела к дисбалансу, при котором следователь, по сути, блокирует доступ к институту, имеющему ярко выраженную публично-правовую и обвинительную природу. Прокурор, как должностное лицо, несущее ответственность за уголовное преследование, не должен всецело зависеть от усмотрения следователя.

То есть, процессуальная самостоятельность следователя не должна вступать в противоречие с интересами публичными, состоящими в обеспечении достижения назначения уголовного судопроизводства и частными интересами обвиняемого, желающего заключить досудебное соглашение о сотрудничестве.

Второй значимой проблемой является отсутствие в УПК РФ формализованного перечня оснований для отказа в заключении досудебного соглашения. Хотя закон требует, чтобы отказ был мотивированным, сами критерии необходимой мотивировки законодателем не установлены даже на уровне каких-либо примерных ориентиров.

Это неизбежно порождает правовую неопределенность и широкий простор для субъективного усмотрения следователя, что противоречит принципу единообразия правоприменительной практики.

Также стоит обратить внимание на необходимость оценки прокурором соблюдения обвиняемым непосредственных условий соглашения о сотрудничестве. Соответствующая детализация таковой включена в Приказ Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми

(обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» [27].

В частности, в этом документе обозначен алгоритм действий прокурора в ситуации получения им сведений «о несоблюдении подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве, что может выразиться в сообщении лицом, на которое направлено уголовное преследование заведомо ложных сведений, отказ от участия данного лица в следственных, и (или) оперативно-розыскных мероприятиях и т.д.» (п. 1.16 Приказа)

Соответствующую информацию об уклонении обвиняемого от следования условиям соглашения, а также о допущении конкретных нарушений, прокурору передаёт следователь, а прокурор уже, оценив таковую, вправе принять решение о прекращении действия соглашения.

Такая процедура видится логичной, но вызывает критику отсутствие должной конкретизации проверки чёткости следования обвиняемым всем обязательствам, включённым в соглашение о сотрудничестве – и применительно к следователю, и применительно к прокурору.

Некоторые авторы констатируют наличие «случаев недостаточного контроля за исполнением условий соглашения со стороны прокурора и следователя» [20, с. 127], предлагая при этом осуществить «организацию и производство проверок хода расследования соответствующих уголовных дел, направленных на достижение осведомлённости прокурора об отсутствии нарушений, связанных с реализацией заключённого досудебного соглашения» [20, с. 128].

Таким образом, опираясь на сказанное, в целях совершенствования существующего регулирования, представляется целесообразным наделение прокурора правом первоначального рассмотрения ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве.

В целях усиления роли прокурора в данной процедуре и обеспечения гарантий прав обвиняемого, в ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ следует внести

изменение, обязывающее следователя в любом случае направлять ходатайство обвиняемого прокурору вместе с собственным мотивированным заключением (как о возможности, так и об отказе в заключении соглашения).

Окончательное решение по ходатайству должен принимать прокурор. Это сделает его полноценным участником процессуальных отношений на начальном этапе.

Также следует закрепить в УПК РФ примерный перечень оснований для отказа. В этих целях законодателю следует сформулировать в ст. 317.1 УПК РФ базовые критерии, по которым может быть отказано в заключении соглашения (например, недостоверность сообщаемых сведений, непричастность лица к преступлению, совершение им особо тяжкого преступления, связанного с посягательством на жизнь, и т.д.). Это создаст более четкие ориентиры для правоприменителя.

Видится целесообразной формализация прокурорского контроля за исполнением соглашения. Существующий механизм контроля, описанный в ведомственных актах (например, в Приказе Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 г. № 107), нуждается в уточнении на уровень закона. В УПК РФ целесообразно закрепить обязанность прокурора проводить периодические проверки хода исполнения соглашения, с правом истребовать от следователя информацию о выполнении обязательств, включённых в соглашение о сотрудничестве обвиняемым.

Число проверок, которые могли бы осуществляться прокурором в данном контексте, должны ограничиваться практической необходимостью, но их минимальное число, как представляется, не должно быть меньше трёх в рамках производства расследования.

На этапе направления уголовного дела в суд функционал прокурора как государственного обвинителя становится доминирующим. На него возлагается обязанность тщательной проверки соблюдения всех условий соглашения и подготовки обвинительного заключения и представления об особом порядке.

Как указывают О.Н. Коршунова и Н.В. Кулик, «при подготовке к судебному разбирательству государственному обвинителю надлежит тщательно изучить материалы дела на предмет исполнения условий соглашения, сопоставить итоговую картину расследования в виде обвинительного заключения с выводами, изложенными в заключениях прокурора о результатах проверок на предмет исполнения досудебного соглашения о сотрудничестве» [10, с. 86].

В целом, тот инструментарий, который имеет в своём распоряжении прокурор, позволяет обеспечивать законное и обоснованное применение анализируемого института.

Подводя итог второй главы исследования, можно сделать следующие выводы и предложения.

Отмеченное позволяет констатировать, что существующая в настоящий момент в действующем УПК РФ регламентация полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, далека от идеала и, конечно же, требует видоизменения и адаптации к текущим реалиям и потребностям уголовно-процессуальной деятельности на этапе предварительного расследования.

Как представляется, необходимо восстановление права прокурора на возбуждение уголовного дела. Критика существующего механизма опосредованного возбуждения является обоснованной. Целесообразно вернуть прокурору право выносить постановление о возбуждении уголовного дела, обязательное для исполнения следователем или органом дознания, с последующим направлением дела по подследственности.

Целесообразным также является усиление властных полномочий прокурора в отношении следователя. Требования прокурора об устраниении нарушений федерального законодательства должны быть обязательными для немедленного исполнения, а их обжалование – не приостанавливать исполнение.

Это соответствует конституционной роли прокуратуры как единой централизованной системы надзора за законностью – в том числе, непосредственно в досудебном производстве по уголовному делу.

Представляется целесообразным закрепление информационных полномочий прокурора. Необходимо предусмотреть в УПК РФ право прокурора знакомиться с материалами уголовного дела на любом этапе предварительного расследования и давать обязательные для рассмотрения письменные указания о производстве следственных действий и процессуальных решений.

Также видится желательной оптимизация взаимодействия субъектов уголовного преследования по ключевым аспектам организации работы. Это предполагает четкое законодательное разграничение их профессиональной компетенции и создание эффективных механизмов разрешения процессуальных коллизий.

Таким образом, действующая процессуальная модель реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебной стадии обладает значительными дефектами, снижающими эффективность всего досудебного производства.

Ее совершенствование требует не фрагментарных, а системных изменений, направленных на усиление координирующей и руководящей роли прокурора как представителя государства в уголовном преследовании в российском уголовном процессе.

Проведенный анализ также позволяет утверждать, что реализация прокурором функции уголовного преследования на досудебных стадиях осуществляется в условиях значительных правовых и организационных ограничений. Существующая модель, сформированная в результате реформы 2007 года, характеризуется фрагментарностью полномочий прокурора, его информационной ограниченностью и сложными, подчас конфликтными, отношениями со следователем.

Это приводит к парадоксальной ситуации: формально лишенный многих властных рычагов, прокурор вынужден компенсировать их недостаток неформальными практиками, что свидетельствует о несовершенстве законодательной конструкции.

В контексте досудебного соглашения о сотрудничестве роль прокурора также является недооцененной на начальных этапах, что снижает потенциал данного института и нуждается в совершенствовании.

Для повышения эффективности уголовного преследования в целом необходима системная законодательная корректировка, направленная на восстановление баланса между процессуальной самостоятельностью следователя и координирующей, руководящей функцией прокурора как гаранта законности и представителя стороны обвинения.

Предложенные меры – восстановление права на возбуждение уголовного дела, усиление властных полномочий в отношении следователя, формализация его роли в институте досудебного соглашения, с большой долей вероятности будут способствовать созданию более стройной, эффективной и справедливой модели досудебного производства.

Далее представляется целесообразным рассмотреть вопросы непосредственной реализации функции уголовного преследования прокурором в рамках досудебного производства.

Глава 3 Реализация прокурором функции уголовного преследования в судебном производстве

3.1 Подготовка прокурора к участию в судебном заседании

Стадия подготовки к судебному заседанию, будучи начальным этапом судебного производства, имеет определяющее значение для формирования стратегии и конкретизированной тактики поддержания государственного обвинения.

На данном этапе уголовное преследование, пройдя стадию предварительного расследования, кристаллизуется в формализованное обвинение, которое подлежит проверке судом.

Хотя главенствующая роль в суде принадлежит органу правосудия, коим выступает справедливый и независимый суд, прокурор продолжает, со своей стороны, выступать ключевым субъектом реализации функции уголовного преследования.

Его деятельность на стадии подготовки к суду носит многогранный характер, однако в научной литературе и правоприменительной практике выделяются наиболее проблемные аспекты.

Одним из таких аспектов является участие прокурора в решении вопроса о допустимости доказательств в рамках предварительного слушания. Часть 4 ст. 235 УПК РФ возлагает на прокурора бремя опровержения доводов стороны защиты о нарушении закона при получении доказательства.

Это положение имплементирует в российский процесс принцип состязательности, однако его реализация сопряжена с серьезными трудностями.

Проблема усугубляется тем, что действующий УПК РФ не содержит исчерпывающего перечня критериев недопустимости доказательств. Часть 1 ст. 75 УПК РФ дает лишь общее определение, что создает широкий простор

для судебного усмотрения и порождает противоречивую правоприменительную практику.

В частности, этот вопрос поднимается в судебной практике на уровне Пленума Верховного Суда РФ, который в Постановлении № 8 от 31.10.1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [25] и Постановлении № 55 от 29.01.2016 г. «О судебном приговоре» [24] указал на ряд процессуальных изъянов, которые способны привести к утрате сведений доказательственного значения.

Как верно отмечает А.А. Гридчин, «допустимость – это свойство доказательства, которое находит своё выражение в предписании соблюдения указаний УПК РФ относительно субъектов, источников, способов и процедуры собирания и процессуального закрепления фактических данных, что создаёт предпосылки использования полученной информации для установления истины по делу» [6, с. 139].

Сложность для прокурора заключается в необходимости заблаговременной и тщательной оценки всех возможных процессуальных нарушений, допущенных в ходе предварительного расследования. В этой связи в науке обоснованно высказываются предложения о конкретизации критериев недопустимости в тексте УПК РФ.

Исследователи справедливо полагают, что таковыми могут являться нарушения, связанные с «получением сведений: с нарушением процессуальных требований; не надлежащим субъектом; с нарушением правил собирания, проверки и приобщения в качестве доказательств; из неустановленного законом источника или в сроки, не предусмотренные законом» [11, с. 133].

Внесение соответствующих изменений в ч. 1 ст. 75 УПК РФ позволило бы законодателю сформировать у прокурора более четкие практические ориентиры и минимизировать процессуальные риски необоснованного

исключения доказательств, собранных стороной обвинения, из материалов уголовного дела.

Центральной проблемой, определяющей эффективность всей последующей деятельности прокурора в суде, является качество его подготовки к судебному заседанию. Информационная осведомленность государственного обвинителя – не просто желательное условие, а необходимое требование, вытекающее из принципа состязательности и возложенного на него бремени доказывания в российском уголовном судопроизводстве.

Крайне тревожной представляется сложившаяся практика, при которой «нередко прокурор – государственный обвинитель знаком с материалами уголовного дела лишь исходя из содержания обвинительного заключения. Большинство нюансов при таком подходе остаются вне поля внимания» [10, с. 85].

Такой поверхностный подход не только в значительной мере дискредитирует саму идею государственного обвинения, но и создает реальные угрозы для правосудия, поскольку лишает суд возможности получить профессиональную и аргументированную оценку собранных по уголовному делу доказательств.

К сожалению, многие исследователи выражают тревогу относительно качества и уровня подготовленности прокуроров к участию в судебных разбирательствах.

Требования ведомственных актов, в частности Приказа Генпрокуратуры РФ от 30.06.2021 г. № 376 [26], о заблаговременном назначении государственного обвинителя (п. 1.4), на практике зачастую не выполняются в силу системной перегруженности прокуроров.

Это приводит к тому, что выступление в суде готовится в «аваральном режиме», без полноценного глубокого анализа материалов уголовного дела.

Между тем, как верно подчеркивается в научной литературе, «закон требует от всех сотрудников органов прокуратуры, участвующих в судебном

разбирательстве, высочайшей организации работы, профессионализма, личной ответственность. Активность и процессуальное мастерство государственного обвинителя в представлении и исследовании доказательств становится решающим фактором в обеспечении неотвратимости наказания за совершенное преступление» [19, с. 181].

Таким образом, резюмируя сказанное, следует отметить необходимость нормативного уточнения легальных критериев допустимости доказательств, для чего целесообразно дополнить ч. 1 ст. 75 УПК РФ развернутым перечнем оснований для признания доказательств недопустимыми. Это повысит предсказуемость судебных решений и качество прокурорской работы по отстаиванию позиции обвинения.

Следует в должной мере институализировать подготовку государственного обвинителя. Необходимо не только на ведомственном, но и на законодательном уровне закрепить гарантии, адресованные прокурору, обеспечивающие ему достаточное время для изучения материалов уголовного дела.

В УПК РФ следует внести норму, обязывающую руководителя следственного органа направлять уголовное дело прокурору для подготовки к суду в срок, позволяющий осуществить её полноценно.

В адвокатском сообществе является достаточно традиционным и устоявшимся наличие у адвокатов специализации – то есть, целенаправленного участия в работе по конкретным отраслям права, или по определённым категориям дел, что способствует усилению компетенций в указанном направлении, углубляет профессиональные знания и повышает эффективность работы в целом.

По данной аналогии, представляется целесообразным ввести специализацию прокуроров-обвинителей – в частности, для участия в поддержании государственного обвинения по особо сложным категориям уголовных дел (экономических, коррупционных, с использованием ИТ-технологий).

Таким образом, для качественного повышения профессионального уровня прокуроров, осуществляющих государственное обвинение, в органах прокуратуры целесообразно создать институт специализированных прокуроров-обвинителей, обладающих узкопрофильными знаниями, что позволило бы усилить сторону обвинения в профессиональном плане.

3.2 Деятельность прокурора по поддержанию обвинения в судебном следствии

Судебное следствие – это процессуальная стадия, где функция уголовного преследования реализуется прокурором наиболее динамично и публично. Обладая процессуальной самостоятельностью, государственный обвинитель свободен в формировании своей позиции, которая основывается на принципе свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ).

Как верно отмечает А.П. Лавренко, «принцип свободы оценки доказательств представляет собой оценку доказательств по внутреннему убеждению лица, которое, принимая процессуальное решение, учитывает неповторимую индивидуальность обстоятельств конкретного уголовного дела и каждого из имеющихся доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [12, с. 224].

Наиболее ярким и социально значимым проявлением процессуальной самостоятельности прокурора является право на отказ от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Данный институт имеет фундаментальное значение для обеспечения прав личности и исключения судебных ошибок. В ведомственных актах, в частности, в Приказе Генпрокуратуры РФ от 30.06.2021 г. № 376, с частичным воспроизведением положения ст. 17 УПК РФ, говорится о том, что необходимо исходить из того, что «государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств» (п. 3.10 Приказа).

При этом, подчёркивается важная концептуальная основа указанного правомочия: «Учитывать, что отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитация в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и поддержание обоснованного обвинения» (п. 1.3 Приказа)

Однако на практике реализация этого права сопряжена с острой дискуссией о балансе интересов государства и потерпевшего. Высказываются критические мнения о том, что «точка зрения потерпевшего в случае отказа прокурора от обвинения не учитывается, что противоречит п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, в котором обозначено правомочие потерпевшего поддерживать обвинение» [39, с. 831].

Некоторые авторы и вовсе утверждают, что «потерпевший оказывается в ситуации фактического лишения права на правосудие» [37, с. 99].

В правоприменительной практике также не обходится без сложностей. Приведём пример из материалов судебной практики по г. Тольятти: «в ходе рассмотрения 20 сентября 2017 года Автозаводским районным судом г. Тольятти Самарской области уголовного дела в отношении С. и К., обвинявшихся в применении насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении работника полиции, государственный обвинитель, убедившись в невиновности подсудимых в совершении инкриминируемых им деяний, в полном объеме отказался от обвинения. Позиция прокурора была достаточно мотивирована, им были представлены соответствующие формулировки в порядке ч. 7 ст. 292 УПК РФ. Потерпевший был категорически не согласен с позицией обвинения, о чем крайне эмоционально заявил в своем выступлении в судебных прениях. Несмотря на то, что позиции потерпевшего и государственного обвинителя не совпадали, судом было принято решение о прекращении уголовного преследования в соответствии с ч. 1 ст. 239 УПК РФ» [17].

По данному вопросу, с учётом его дискуссионности, есть соответствующая правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ в своём Постановлении от 08.12.2003 г. № 18-П [21] дал разъяснение о том, что «полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, и что законность, обоснованность и справедливость такого решения возможно проверить в вышестоящем суде» (п. 3).

Представляется, что подобные оценки являются излишне категоричными. Правовая позиция Конституционного Суда РФ создает достаточные процессуальные гарантии для учета интересов потерпевшего, учитывая приведённую выше цитату из текста указанного Постановления.

Таким образом, потерпевший не лишен голоса; его позиция подлежит обязательному заслушиванию и оценке судом при принятии итогового решения.

Безусловно, требование закона о мотивированности отказа, закрепленное также в п. 3.10 Приказа Генпрокуратуры № 376, является ключевой гарантией против произвола. Письменная форма мотивированного отказа позволяет проверить его обоснованность как судом, так и в вышестоящих инстанциях.

В этой связи совершенно несостоятельной выглядит точка зрения Ф.М. Ягофарова: «Нам непонятно, почему государственный обвинитель, отказываясь от поддержания обвинения в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК

РФ, обязан изложить суду мотивы своего отказа. Неужели для того, чтобы доказать суду обоснованность заявленного отказа? А если суд не согласится с доводами прокурора, он что, вправе обязать последнего к поддержанию государственного обвинения? Объяснение прокурором суду мотивов своего отказа не только нецелесообразно, но и, по нашему мнению, противоправно, поскольку в таком случае прокурор ставится в положение лица, оправдывающегося или извиняющегося перед судом за заявленный отказ от обвинения» [40, с. 19].

Напротив, обязанность мотивировать свое решение – это атрибут профессиональной деятельности любого субъекта, наделенного властными полномочиями, и свидетельство его ответственности перед обществом и государством.

Как пишет Ю.В. Кореневский, для обвинителя самое главное «сознать свою роль, общественную значимость своей деятельности, чувствовать себя не чиновником, обязанным отстоять ведомственную позицию, аполноправным участником правосудия, призванным способствовать осуществлению этой важнейшей государственной функции» [9, с. 46].

И, конечно же, прокурор, реализуя функцию уголовного преследования, должен в не меньшей степени, чем суд, быть заинтересованным в привлечении к ответственности действительно виновного лица, выступая объективным носителем властных полномочий, использование которых должно служить идеям справедливости.

Как верно подчёркивается И. Демидовым и А. Тушевым, «прокурор должен подходить к вопросу отказа от обвинения очень вдумчиво и профессионально, поскольку, цена ошибки при необоснованном отказе от обвинения может быть высока» [7, с. 25].

Таким образом, существующая в настоящее время модель отказа прокурора от обвинения видится состоятельной.

Предлагаемые некоторыми авторами изменения в ч. 7 ст. 246 УПК РФ, требующие обязательного согласия потерпевшего на отказ от обвинения,

являются контрпродуктивными. Они подменяют профессиональное решение прокурора, основанное на анализе доказательств, эмоционально-субъективной позицией потерпевшего, что противоречит принципу объективности и может привести к осуждению невиновного.

Для снятия имеющейся дискуссии и усиления гарантий прав потерпевшего целесообразно непосредственно в тексте ч. 7 ст. 246 УПК РФ включить положение, дублирующее правовую позицию Конституционного Суда РФ: «Вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты».

Особого внимания также требует вопрос повышения уровня профессиональной культуры.

В органах прокуратуры необходима целенаправленная работа по формированию у государственных обвинителей понимания того, что обоснованный отказ от обвинения – это не проявление слабости, а реализация их конституционной миссии по защите прав граждан от незаконного уголовного преследования.

3.3 Участие прокурора в судебных прениях

Судебные прения – это кульминационный момент судебного разбирательства, где подводится итог всей предшествующей работе по уголовному преследованию.

Как справедливо отмечают исследователи, «судебные прения – весьма значимая составляющая судебного разбирательства, в рамках которой со своих позиций стороны подводят основные общие итоги завершившегося судебного следствия» [36, с. 30].

Обвинительная речь прокурора – это не простое суммирование доказательств, а сложный акт их интерпретации и систематизации,

направленный на формирование у суда внутреннего убеждения в виновности подсудимого. К сожалению, на практике этому аспекту деятельности зачастую не уделяется должного внимания.

Как отмечается некоторыми специалистами, «прокуроры, которым делегировано поддержание государственного обвинения в суде, предпочитают избегать подготовки текстов обвинительных речей в силу большой текущей занятости. Сказывается также привычка полагаться на судью, который больше доверяет аргументам объективного прокурора, чем адвоката, что в принципе не согласуется с местом и ролью суда в уголовном процессе» [10, с. 86].

Между тем, в условиях состязательного процесса искусство судебного красноречия приобретает критически важное значение.

«Владение навыками судебного красноречия не свойственно в полной мере сотрудникам правоохранительной системы, а ведь именно подача фактических данных в своём выступлении во многом влияет на восприятие соответствующей информации судом, воздействуя на формирование того самого внутреннего убеждения, основанного на законе и совести» [1, с. 67] – указывает Э.Э. Агаронова.

Законодатель, предоставляя прокурору право выступать первым (ч. 3 ст. 292 УПК РФ), предоставляет ему и определенное преимущество, и серьезную ответственность. Преимущество – в возможности задать тон и структуру дискуссии. Ответственность – в необходимости построить речь таким образом, чтобы она была логичной, убедительной и выдерживала последующую критику стороны защиты.

Структура и содержание речи не должны быть шаблонными.

Как верно указывает В.А. Лазарева, любая заранее определенная чёткая и строгая структура письменной речи, «есть шаблон, избежать которого можно, лишь предоставив оратору право самостоятельно определять содержание и структуру своего выступления, подчиняя их преследуемым в данном процессе целям» [14, с. 83].

Вместе с тем, для сложных дел рекомендуется «группировать доказательства поэпизодно» [18, с. 28], что способствует лучшему восприятию.

Важнейшим элементом обвинительной речи является обоснование позиции по мере наказания. Прокурор, оставаясь объективным, должен «тщательно взвесить все доводы и высказать в своей речи соображения относительно справедливого вида, срока и условий отбывания наказания» [15, с. 87].

Это подчеркивает, что цель уголовного преследования – не просто абстрактное обвинение, как самоцель, а достижение справедливости, основанной на «букве закона» и общим представлениям о сбалансированности общественных отношений.

Современный уровень развития технологий позволяет использовать в выступлении не только приёмы риторики, но и разнообразные визуализации, увеличивающие наглядность излагаемого материала. Это может быть особенно актуальным, когда судопроизводство ведётся в суде с участием присяжных заседателей, для которых изложение позиции обвинения без визуализации соответствующих доказательственных конструкций может быть очень сложным.

Поэтому государственному обвинителю целесообразно активнее использовать в судебных прениях современные мультимедийные технологии (презентации, схемы, фрагменты видеозаписей). Это не только сделает материал нагляднее и понятнее, но и может придать обвинительным тезисам большую убедительность.

В эпоху активного развития искусственного интеллекта и нейросетевых технологий обсуждаемым является вопрос о возможности использование больших языковых моделей (LLM) в качестве помощника при составлении публичных выступлений, ключевым адресатом которых является суд.

Возможность использования прокурором технологии искусственного интеллекта для подготовки выступления в прениях – это сложный и многогранный вопрос, который пока не имеет однозначного ответа в правовом поле, но активно обсуждается в профессиональной среде юристов, реализующих свои профессиональные знания в разном процессуальном качестве.

Такая практика допустима как вспомогательный инструмент, но недопустима как способ полной замены профессионального мышления и ответственности прокурора. Данный вопрос имеет очень тонкую этическую границу, перейти которую недопустимо

Таким образом, прокурор может использовать искусственный интеллект для подготовки к прениям как интеллектуальный помощник для черновой работы, но ни при каких обстоятельствах не должен делегировать ему свою профессиональную функцию.

Формулировка позиции обвинения, оценка доказательств и принятие ответственности за сказанное в суде – это исключительная прерогатива самого прокурора, который выступает носителем профессиональных знаний, навыков и, разумеется, профессиональной ответственности.

А.В. Боровков и Н.И. Улесов полагают, что «текст выступления в судебных прениях прокурору не следует читать с листа, поскольку это лишит выступление необходимой экспрессивности и снизит его убедительности» [3, с. 112].

Но целиком и полностью полагаться на экспромт нецелесообразно. Государственному обвинителю целесообразно иметь при себе тезисы своего выступления перед судом для того, чтобы иметь чёткий перечень ключевых позиций обвинения, на которых необходимо заострить внимание суда и присутствующих в заседании.

Это позволит избавиться от излишнего напряжения, связанного с боязнью упустить что-нибудь важное.

Таким образом, одной из немаловажных составляющих в реализации профессиональной позиции государственного обвинителя, последовательно реализующего в судебном заседании функцию уголовного преследования, является наличие навыков судебной риторики.

Для формирования и поддержания таких навыков в системе профессиональной подготовки и повышения квалификации прокуроров необходимо ввести специализированные курсы по ораторскому мастерству, психологии убеждения и основам судебной риторики.

Выступление в прениях не должно сводиться к зачтению заранее написанного текста; это должен быть живой, аргументированный диалог с судом, что ни исключает использование кратких тезисов, позволяющих систематизировать свою позицию и не упустить в выступлении важное.

Целесообразно активнее использовать в судебных прениях современные мультимедийные технологии (презентации, схемы, фрагменты видеозаписей), которые позволяют визуализировать сложные доказательственные конструкции и сделать речь более наглядной и убедительной.

Что касается возможности использования прокурором технологии искусственного интеллекта для подготовки выступления в прениях, можно высказать суждение о том, что такая практика допустима как вспомогательный инструмент, но недопустима как способ полной замены профессионального мышления и ответственности прокурора. Данный вопрос имеет очень тонкую этическую границу, перейти которую недопустимо. Прокурор ни при каких обстоятельствах не должен делегировать алгоритмам свою профессиональную функцию.

По сложным и многоэпизодным делам подготовка проекта обвинительной речи должна носить коллегиальный характер с привлечением других прокуроров и следователей для «мозгового штурма» и выработки наиболее эффективной линии защиты позиции обвинения.

Подводя итог третьей главы исследования, можно сделать следующие выводы и предложения.

Реализация прокурором функции уголовного преследования в судебных стадиях представляет собой сложный, многогранный процесс, требующий от государственного обвинителя высокого профессионализма, глубокой правовой культуры и приверженности принципам законности и справедливости.

Резюмируя сказанное, следует отметить необходимость нормативного уточнения легальных критериев допустимости доказательств, для чего целесообразно дополнить ч. 1 ст. 75 УПК РФ развернутым перечнем оснований для признания доказательств недопустимыми. Это повысит предсказуемость судебных решений и качество прокурорской работы по отстаиванию позиции обвинения.

Следует в должной мере институализировать подготовку государственного обвинителя. Необходимо не только на ведомственном, но и на законодательном уровне закрепить гарантии, адресованные прокурору, обеспечивающие ему достаточное время для изучения материалов уголовного дела. В УПК РФ следует внести норму, обязывающую руководителя следственного органа направлять уголовное дело прокурору для подготовки к суду в срок, позволяющий осуществить её полноценно.

В адвокатском сообществе является достаточно традиционным и устоявшимся наличие у адвокатов специализации – то есть, целенаправленного участия в работе по конкретным отраслям права, или по определённым категориям дел, что способствует усилению компетенций в указанном направлении, углубляет профессиональные знания и повышает эффективность работы в целом.

По данной аналогии, представляется целесообразным ввести специализацию прокуроров-обвинителей – в частности, для участия в поддержании государственного обвинения по особо сложным категориям

уголовных дел (экономических, коррупционных, с использованием ИТ-технологий).

Таким образом, для качественного повышения профессионального уровня прокуроров, осуществляющих государственное обвинение, в органах прокуратуры целесообразно создать институт специализированных прокуроров-обвинителей, обладающих узкопрофильными знаниями.

Следует также подчеркнуть, что существующая в настоящее время модель отказа прокурора от обвинения видится состоятельной. Предлагаемые некоторыми авторами изменения в ч. 7 ст. 246 УПК РФ, требующие обязательного согласия потерпевшего на отказ от обвинения, являются контрпродуктивными. Они подменяют профессиональное решение прокурора, основанное на анализе доказательств, эмоционально-субъективной позицией потерпевшего, что противоречит принципу объективности и может привести к осуждению невиновного.

Для снятия имеющейся дискуссии и усиления гарантий прав потерпевшего целесообразно непосредственно в тексте ч. 7 ст. 246 УПК РФ включить положение, дублирующее правовую позицию Конституционного Суда РФ: «Вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты».

Заключение

Завершая предпринятое исследование в рамках обозначенной темы, посвящённой уголовному преследованию как функции прокурора, представляется возможным сформулировать основные выводы и предложения по совершенствованию действующего регулирования.

Комплексное исследование реализации прокурором функции уголовного преследования в российском уголовном процессе позволяет констатировать, что данный правовой институт находится в состоянии перманентной эволюции, обусловленной поиском баланса между состязательной моделью судопроизводства и традиционной для российской правовой системы ролью прокуратуры как органа надзора.

Анализ теоретических основ и практики осуществления уголовного преследования на досудебных и судебных стадиях выявил ряд системных проблем, снижающих эффективность участия прокурора в уголовном преследовании, которые требуют доктринального осмысления и незамедлительного законодательного реагирования.

Отсутствие доктринальной ясности и законодательной определенности в разграничении понятий «уголовное преследование», «обвинение» и «поддержание государственного обвинения» продолжает оставаться фундаментальной проблемой. Легальное отождествление уголовного преследования с процессуальной деятельностью стороны обвинения (п. 55 ст. 5 УПК РФ) при сохранении в ст. 37 УПК РФ упоминания о надзоре создает внутреннюю противоречивость статуса прокурора.

Концепция единой обвинительной функции прокурора является наиболее соответствующей принципу состязательности и логике уголовного процесса.

Законодательное закрепление этого подхода (например, через изменение редакции ст. 37 УПК РФ) позволило бы устранить существующую

терминологическую путаницу и задать четкий вектор для современного российского правоприменения.

Также следует заметить необходимость дальнейшего поступательного реформирования статуса прокурора, направленного на усиление его роли как субъекта, ответственного за качество и законность всего досудебного производства.

Это может выражаться в расширении его прав по истребованию и проверке доказательств, отмене незаконных процессуальных решений субъектов, осуществляющих непосредственное производство по уголовному делу, а также в усилении механизмов судебного контроля за действиями прокурора для предотвращения возможных злоупотреблений с его стороны в уголовно-процессуальной деятельности.

Отмеченное позволяет констатировать, что существующая в настоящий момент в действующем УПК РФ регламентация полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, далека от идеала и, конечно же, требует видоизменения и адаптации к текущим реалиям и потребностям уголовно-процессуальной деятельности на этапе предварительного расследования.

Как представляется, необходимо восстановление права прокурора на возбуждение уголовного дела. Критика существующего механизма опосредованного возбуждения является обоснованной. Целесообразно вернуть прокурору право выносить постановление о возбуждении уголовного дела, обязательное для исполнения следователем или органом дознания, с последующим направлением дела по подследственности.

Целесообразным также является усиление властных полномочий прокурора в отношении следователя. Требования прокурора об устраниении нарушений федерального законодательства должны быть обязательными для немедленного исполнения, а их обжалование – не приостанавливать исполнение.

Это соответствует конституционной роли прокуратуры как единой централизованной системы надзора за законностью – в том числе, непосредственно в досудебном производстве по уголовному делу.

Представляется целесообразным закрепление информационных полномочий прокурора. Необходимо предусмотреть в УПК РФ право прокурора знакомиться с материалами уголовного дела на любом этапе предварительного расследования и давать обязательные для рассмотрения письменные указания о производстве следственных действий и процессуальных решений.

Также видится желательной оптимизация взаимодействия субъектов уголовного преследования по ключевым аспектам организации работы. Это предполагает четкое законодательное разграничение их профессиональной компетенции и создание эффективных механизмов разрешения процессуальных коллизий.

Таким образом, действующая процессуальная модель реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебной стадии обладает значительными дефектами, снижающими эффективность всего досудебного производства. Ее совершенствование требует не фрагментарных, а системных изменений, направленных на усиление координирующей и руководящей роли прокурора как представителя государства в уголовном преследовании.

Проведенный анализ также позволяет утверждать, что реализация прокурором функции уголовного преследования на досудебных стадиях осуществляется в условиях значительных правовых и организационных ограничений.

Существующая модель, сформированная в результате реформы 2007 года, характеризуется фрагментарностью полномочий прокурора, его информационной ограниченностью и сложными, подчас конфликтными, отношениями со следователем.

Это приводит к парадоксальной ситуации: формально лишенный многих властных рычагов, прокурор вынужден компенсировать их недостаток неформальными практиками, что свидетельствует о несовершенстве законодательной конструкции.

В контексте досудебного соглашения о сотрудничестве роль прокурора также является недооцененной на начальных этапах, что снижает потенциал данного института и нуждается в совершенствовании.

Для повышения эффективности уголовного преследования в целом необходима системная законодательная корректировка, направленная на восстановление баланса между процессуальной самостоятельностью следователя и координирующей, руководящей функцией прокурора как гаранта законности и представителя стороны обвинения.

Предложенные меры – восстановление права на возбуждение уголовного дела, усиление властных полномочий в отношении следователя, формализация его роли в институте досудебного соглашения, с большой долей вероятности будут способствовать созданию более стройной, эффективной и справедливой модели досудебного производства.

Реализация прокурором функции уголовного преследования в судебных стадиях представляет собой сложный, многогранный процесс, требующий от государственного обвинителя высокого профессионализма, глубокой правовой культуры и приверженности принципам законности и справедливости.

Резюмируя сказанное, следует отметить необходимость нормативного уточнения легальных критериев допустимости доказательств, для чего целесообразно дополнить ч. 1 ст. 75 УПК РФ развернутым перечнем оснований для признания доказательств недопустимыми. Это повысит предсказуемость судебных решений и качество прокурорской работы по отстаиванию позиции обвинения.

Следует в должной мере институализировать подготовку государственного обвинителя. Необходимо не только на ведомственном, но и

на законодательном уровне закрепить гарантии, адресованные прокурору, обеспечивающие ему достаточное время для изучения материалов уголовного дела. В УПК РФ следует внести норму, обязывающую руководителя следственного органа направлять уголовное дело прокурору для подготовки к суду в срок, позволяющий осуществить её полноценно.

В адвокатском сообществе является достаточно традиционным и устоявшимся наличие у адвокатов специализации – то есть, целенаправленного участия в работе по конкретным отраслям права, или по определённым категориям дел, что способствует усилению компетенций в указанном направлении, углубляет профессиональные знания и повышает эффективность работы в целом.

По данной аналогии, представляется целесообразным ввести специализацию прокуроров-обвинителей – в частности, для участия в поддержании государственного обвинения по особо сложным категориям уголовных дел (экономических, коррупционных, с использованием ИТ-технологий).

Таким образом, для качественного повышения профессионального уровня прокуроров, осуществляющих государственное обвинение, в органах прокуратуры целесообразно создать институт специализированных прокуроров-обвинителей, обладающих узкопрофильными знаниями.

Следует также подчеркнуть, что существующая в настоящее время модель отказа прокурора от обвинения видится состоятельной. Предлагаемые некоторыми авторами изменения в ч. 7 ст. 246 УПК РФ, требующие обязательного согласия потерпевшего на отказ от обвинения, являются контрпродуктивными.

Они подменяют профессиональное решение прокурора, основанное на анализе доказательств, эмоционально-субъективной позицией потерпевшего, что противоречит принципу объективности и может привести к осуждению невиновного.

Для снятия имеющейся дискуссии и усиления гарантий прав потерпевшего целесообразно непосредственно в тексте ч. 7 ст. 246 УПК РФ включить положение, дублирующее правовую позицию Конституционного Суда РФ: «Вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты».

Таким образом, совершенствование норм УПК РФ, регламентирующих реализацию прокурором функции уголовного преследования, является не ведомственным вопросом, а насущной потребностью развития всего российского уголовного процесса, призванного быть одновременно справедливым, эффективным и состязательным, претворяя в жизнь идеи действительно сильного правового государства с развитой системой внутренних сдержек и противовесов.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агаронова Э.Э. К вопросу об эффективном использовании языковых средств в публичном выступлении прокурора // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 67-69.
2. Багаутдинов Ф.Н., Нафиков И.С. Актуальные вопросы реализации в уголовном судопроизводстве досудебного соглашения о сотрудничестве // Российская юстиция. 2015. № 11. С. 32-35.
3. Боровков А.В., Улесов Н.И. Этические аспекты обвинительной речи в суде // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2014. С. 112-115.
4. Гатауллин З. Уголовное преследование как функция прокурора // Законность. 2010. № 2. С. 9-12.
5. Горюнов В.Е., Алимьев М.А. О роли прокурора в досудебных стадиях // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 2. С. 9-23.
6. Гридчин А.А. Вопросы допустимости доказательств на предварительном следствии. Ставрополь, 2000. 160 с.
7. Демидов И., Тушев А. Отказ прокурора от обвинения // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 25-27.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
9. Кореневский Ю.В. Проблемы государственного обвинения в условиях судебной реформы // Судебная реформа и проблемы уголовного судопроизводства. Сб. научных трудов. М., 1995. С. 43-51.

10. Коршунова О.Н., Кулик Н.В. Подготовка прокурора к поддержанию государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних // Юридическая мысль. 2012. № 2 (70). С. 85-92.

11. Крюков В.Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. М. : Норма, 2010. 215 с.

12. Лавренко А.П. Понятие, содержание и значение принципа свободы оценки доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2010. № 2. С. 224-227.

13. Лазарева В.А. Вопрос о соотношении предварительного расследования и судебного разбирательства в свете состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования: Сборник научных статей. Самара, 2007. С. 392-395.

14. Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. 187 с.

15. Левченко О.В. Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Вып. 2013. № 2 (78). С. 87-90.

16. Манова Н.С., Лавнов М.А., Чурикова А.Ю. Современная уголовная политика, совершенствование уголовного судопроизводства и модель деятельности прокурора: проблемы взаимообусловленности // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 40-53.

17. Материалы Уголовного дела № 1-159/17 // Архив Автозаводского районного суда г. Тольятти.

18. Мельников И.И. Судебная речь. Для участников прений сторон по уголовным делам. М. : Право, 2013. 512 с.

19. Налимов Г.И. Подготовка государственного обвинителя к участию в судебном разбирательстве // Вестник Пермского государственного университета. 2007. № 8. С. 180-186.

20. Полякова И.И. Особенности полномочий прокурора и следователя при применении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. № 4. Т. 2. С. 126-129.

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2007.

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, сентябрь, 2012.

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1, январь, 2017.

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

26. Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

27. Приказ Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // Законность. 2010. № 6.

28. Рагулин А.В. О необходимости расширения полномочий прокурора как участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 4 (29). С. 53-58.
29. Рябенко И.К. Прокурор в уголовном судопроизводстве: пути совершенствования процессуального статуса // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 6. Вып. 4. С. 54-57.
30. Тугутов Б.А. Функция уголовного преследования: проблемы законодательного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 30-33.
31. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.
32. Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.
33. Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
34. Цапаева Т.Ю. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии. Самара, 2004. 219 с.
35. Чурикова А.Ю. Осуществление прокурором уголовного преследования в досудебном производстве // Юридическая наука. 2019. № 9. С. 74-78.
36. Шакилько Р.В. Роль судебных прений в российском гражданском судопроизводстве: исторический аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 9. С. 29-37.
37. Шамоева М.Р. Проблема защиты прав потерпевшего при отказе прокурора от обвинения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2014. С. 95-105.

38. Шевчук А.Н. Вопросы совершенствования полномочий прокурора по осуществлению уголовного преследования // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2017. Вып. 3 (774). С. 189-194.
39. Юсупкадиева С.Н. Отказ прокурора от обвинения // Научные труды РАЮН. Вып. 13: в 2 т. Т. 2. М.: Юрист, 2013. С. 831-835.
40. Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции. Оренбург, 2003. 22 с.